

Глава 31. Вовсе не богиня

Белоснежные, мягкие облака теснились и переплетались друг с другом, напоминая лепестки распустившегося светлого лотоса, что преломляли в себе многоцветие небесных лучей. Между ними, окутывая девять небес, мерцали нити древних охранных массивов, наполненных первозданным и чистым дыханием Дао.

Пронзительно закричав, над облачной гладью пронеслась духовная птица, взмывая к самым вершинам.

Величественный Зал Небесного Процветания утопал в пышном великолепии.

В самом центре Нефритовый Император разбирал доклады, а подле него, ожидая распоряжений, замер Дунвангун.

Прямо перед тронном за клубился туман, из которого возникли подношения — яства из мира смертных.

В Зале Небесного Процветания всегда было в достатке еды, принесенной людьми в жертву, однако Нефритовый Император обычно лишь мазком взгляда окидывал эти дары и оставлял их без внимания.

Но сегодня всё было иначе. Его взор, скользивший по рядам подношений, внезапно зацепился за одно-единственное блюдо, от которого исходила удивительная, не похожая на прочие, духовная энергия.

Для Небесного Императора эта крупица силы была каплей в море, однако, поддавшись внезапному порыву любопытства, он щелкнул пальцами. Духовное лакомство тут же оказалось в его руках.

— Забавно, — пробормотал он, разглядывая полупрозрачное, сияющее в лучах небесного света танхулу.

Ягоды в карамели из клейкого риса выглядели столь аппетитно, что невольно вызвали желание немедленно их отведать.

Первый же укус отозвался кислинкой плодов, которая мгновенно смешалась со сладостью солодовой глазури, а упругий рис стал идеальным связующим звеном в этой гамме вкусов. Тонкая нить духовной энергии поднимала вкус на совершенно недостижимую высоту.

Дунвангун, проведя краткое гадание, с улыбкой произнес:

— В учении людей в последние годы появилось немало любопытных личностей.

В нынешние времена четыре моря пребывали в смятении, а мощь Небесного Дворца ослабла, что изрядно тяготило Императора. И хотя это лакомство было лишь безделицей, он почувствовал, как дневная тревога понемногу отступает.

— Пожалуй, — усмехнулся Император, — если выдастся свободная минутка, стоит нанести визит в нижний мир.

***

У подножия горы Ивань шелестела листва.

Завершив обряд поклонения, Цзян Чаншэн с удивлением обнаружил, что в списке его «клиентов» появилась новая запись.

Он не мог в это поверить. Неужели Нефритовый Император и впрямь отведал приготовленное им блюдо?

Впрочем, какая разница. Даже если система дала сбой, выполнение задания сулило только выгоду.

Проводив Хуаня, Цзян Чаншэн увидел, как в его путевом дневнике зажглась ещё одна точка — гора Ивань. Теперь у него было открыто уже двадцать четыре записи, и до завершения миссии не хватало всего шести.

За то время, что он провёл в пути, закусочная приняла еще несколько десятков гостей, но до заветной цифры в пятьсот человек было по-прежнему далеко.

Цзян Чаншэн погрузился в расчеты, как вдруг тишину прорезал грохот и крики.

Оглядевшись, он заметил группу играющих детей. В самом центре круга стоял подросток лет двенадцати-тринадцати в простой, застиранной до белизны одежде. Лицо его было чистым и кротким, несмотря на бедность наряда.

Окружившие его сорванцы вели себя крайне воинственно. С выкриками они толкнули мальчика, и тот повалился прямо в грязь.

Подросток, отчаянно стараясь сохранить достоинство, поднялся и вытер лицо рукавом.

Под градом ненавидящих и презрительных взглядов он лишь плотно сжал губы, не проронив ни

слова. В его руках, покрытых мелкими ссадинами, были бережно зажаты свертки с едой, обернутые промасленной бумагой.

— Гун Шичжу, ты опять тащишь еду к реке?

— Каждый божий день одно и то же. Небось, опять украл?

— Отойдите от него, а то заразитесь его глупостью. Подумать только, сын старосты, а ни капли ума не унаследовал.

— Всё равно его мать снова понесла, скоро ты станешь не нужен родителям, оборванец!

— Слышишь, маленький дурачок? Скоро тебя вышвырнут из дома! Ха-ха-ха!

Пока летели эти ядовитые слова, Гун Шичжу стоял неподвижно. Он опустил взгляд, скрывая любые чувства.

Цзян Чаншэн взглянул на призадумавшегося Мо Ци.

— Что скажешь?

— Обычный закон джунглей, — безучастно отозвался Мо Ци. — Если хочешь вмешаться — действуй.

— В таком возрасте дети еще плохо понимают, что такое добро и зло, — вздохнул Цзян Чаншэн.

— Это не зависит ни от расы, ни от возраста, — холодно отрезал Мо Ци. — Если не давать отпор, издевательства будут только расти.

С глухим звуком пущенный кем-то камень угодил мальчику в голову.

Гун Шичжу вздрогнул. На мгновение он прищурился, и в следующую секунду он непостижимым образом уклонился от второго броска.

Мальчишки оторопели, но это лишь подстегнуло их ярость.

— Дурачок еще и уворачивается?!

Орава зачинщиков принялась подбирать камни с земли, швыряя их в Гун Шичжу.

Казалось, от этого града не скрыться — тело мальчика было слишком слабым и изнуренным. Но внезапно он крепко зажмурился и выставил руки вперед. Время словно замерло: камни зависли в воздухе, не долетев до цели.

Толпа ахнула.

Цзян Чаншэн приподнял бровь. Он, уже ступивший на путь Дао, отчетливо ощутил мимолетное колебание духовной энергии.

Мо Ци, предваряя вопрос, пояснил:

— Природный талант к практике. Но он совершенно не умеет управлять своей силой.

Дети переглядывались в замешательстве. Главарь шайки, испуганно вскрикнув, тут же разозлился:

— Дуралей, что это за фокусы?!

Гун Шичжу молчал.

Он медленно поднялся. Худой, болезненный на вид, он казался тростинкой, готовой сломаться от любого дуновения ветра, но в его позе сквозила странная, непоколебимая стойкость.

Это окончательно вывело главаря из себя.

— Я всё расскажу твоей матери! Скажу, что ты нас избиваешь и связался с поганой нечистью!

При упоминании матери Гун Шичжу изменился в лице.

В этот раз он не стал уклоняться. Он позволил камням осыпаться на себя. Острые края резали кожу, из ран сочилась кровь.

Зачинщик, увидев это, победно расхохотался. Вместе с подельниками он навалился на мальчика, вминая его плечи в землю.

— Дрянь, так тебе и надо! Будешь знать, как якшаться с демонами...

Но в тот же миг мальчишки почувствовали, что их тела одеревенели. Вскинув головы, они увидели незнакомца, который с мягкой улыбкой взирал на них сверху вниз.

— Во что это вы играете? — весело осведомился Цзян Чаншэн. — Может, и меня возьмете в компанию?

Улыбка была доброй, но по спинам детей пробежал ледяной холод.

Оцепенение спало, и сорванцы, вопя от ужаса, бросились было бежать, но путь им преградил другой человек.

Мо Ци, облаченный в темные, мерцающие в солнечном свете одежды, стоял неподвижно, не проронив ни слова, но от него исходила столь тяжелая аура, что воздух, казалось, стал гуще.

Охваченные паникой, мальчишки попытались прорваться, но наткнулись на невидимую преграду. Со звонким «бум» они повалились на землю, не в силах преодолеть барьер.

— Это боги или демоны?.. — шептали они, дрожа от страха.

Они глядели на безразличного мужчину в темном и по-настоящему боялись за свои жизни. А Мо Ци в это время просто разглядывал небо, размышляя, не отведать ли на ужин ту сочную свинину Дунпо, что была в прошлый раз.

Цзян Чаншэн помог Гун Шичжу подняться. Убедившись, что серьезных ран нет, он облегченно выдохнул.

— Спасибо, — раздался тихий, хриплый голос.

Мальчик, несмотря на раны и грязь, по-прежнему мертвой хваткой вцепился в сверток с едой.

— Пустяки, — отмахнулся Цзян Чаншэн и повернулся к обидчикам.

Подойдя к главарю, он ласково произнес:

— Твоя игра мне очень понравилась. Продолжим?

— Демон! Настоящий демон! — вопили дети, пятась.

— Обижаете, — притворно вздохнул Цзян Чаншэн. — Неужели я не похож на доброго небожителя?

Он взглянул на того, кто первым бросил камень:

— А ты чего это штаны намочил? Такой большой, а до сих пор конфузишься.

Перед лицом товарищей мальчишка покраснел как рак. Он хотел было возразить, что это просто роса на траве, но Цзян Чаншэн опередил его:

— Только не говори, что это роса. Слишком уж... прицельно она легла.

Мальчик стоял, не зная, куда деться от стыда под брезгливыми взглядами приятелей.

— Ох, — Цзян Чаншэн покровительственно положил руку ему на плечо. — Ребята, давайте сделаем вид, что мы ничего не заметили. Надо же человеку оставить хоть каплю достоинства.

— Да не было этого!!!

Гун Шичжу, не дожидаясь конца сцены, подхватил свои свертки и, преодолевая боль, прихрамывая, поспешил к реке.

Мо Ци проводил его взглядом, на миг замер, но затем снова вернулся к созерцанию пейзажа.

***

У берега реки веял прохладный ветерок.

Рыжий кот, Эр Пан, поглядывая на черноволосую девушку, сидевшую у воды, прошептал хаски:

— Слушай, Да Ша, как думаешь, эта рыба-переросток на вкус лучше обычной?

Да Ша, он же хаски, на миг задумался и важно кивнул:

— Наверняка. Хозяин говорил, что классным продуктам не нужна сложная готовка. Раз она смогла превратиться в человека, значит, она — продукт высшего качества. Её, небось, и приправлять не надо.

— Ну уж нет! — фыркнул кот. — Какой бы вкусной она ни была, я буду есть её только в остром соусе. Чили — это святое.

Раньше, будучи обычным котом, он не мог позволить себе такое, но теперь, став на путь совершенствования, намеревался перепробовать всё, что было под запретом.

— А я требую чесночный соус! Слышите? Только чеснок! — Сирийский хомяк, Сань Ва, от

возбуждения даже распушил свою золотистую шерстку и замахал крохотными лапками.

Девушка-карась, Сяо Цзи:

—...

Неужели они всерьез обсуждают это прямо у неё на глазах?

Сяо Цзи глубоко вздохнула. Видимо, пришла пора покидать эту деревню. Откуда только взялись эти странные звери?

В этот момент слышались шаги.

Сяо Цзи обернулась и увидела худощавого подростка. Его одежда была в пятнах крови, но, завидев её, он просиял. Словно забыв о ранах, он замахал руками и бросился к ней.

На мгновение сердце Сяо Цзи пропустило удар, но она тут же заставила себя успокоиться. Нельзя больше медлить. Она не может здесь оставаться.

К тому же, она с самого начала была лишь обманщицей. А он оказался слишком глуп, чтобы это понять.

Гун Шичжу положил свертки у ног Сяо Цзи и прошептал:

— Богиня воды, я принес тебе кое-что...

Его руки, хоть и длинные, были покрыты мозолями и свежими порезами.

Сяо Цзи отвела взгляд.

Рыжий кот рядом издал возмущенное «мяу»:

— Она — богиня воды? Тогда я — бог всех кошек!

Хомяк поднял лапку:

— А я — бог мышей!

Хаски гордо выпятил грудь:

— А я тогда — бог волков.

— Ты чего, породу сменил, псина? — тут же зашипел на него Эр Пан. — Думаешь, так звучит круче?

Она встала на задние лапы и, мазнув когтем по прибрежной грязи, подрисовала себе черные круги вокруг глаз:

— Всё, я передумал. Я — бог-панда!

— Глупая кошка, — меланхолично заметил хомяк. — Ты только что измазалась там, где Да Ша только что пометил территорию.

— А-а-а!!! — взвыл Эр Пан и бросился к воде отмывать лапы.

Сяо Цзи слушала их перепалку, и лицо её залила краска. Она посмотрела на мальчика, стоявшего перед ней с бесконечной преданностью в глазах. Она знала — он не слышит слов, но прекрасно понимает её по губам.

— Слушай внимательно, — начала она, глядя ему прямо в лицо. — Я вовсе не богиня воды. С самого начала я тебя обманывала. Скоро я уйду в большое море. Прощай.

Кот Эр Пан внезапно затих. Игривость исчезла, он переглянулся с озадаченными Да Ша и Сань Ва.

Вся суета мигом стала неуместной.

Сяо Цзи сделала несколько шагов к реке, но обернулась и увидела, что мальчик по-прежнему стоит как вкопанный. В её глазах внезапно заблестели слезы.

— Уходи! Чего ты стоишь?! Я же сказала — я обманщица! Ты что, не понял?!

Подросток молчал.

Сяо Цзи начала в сердцах швырять в него прибрежную траву и камни, срываясь на крик:

— Тебе больше не нужно воровать для меня еду! Не нужно терпеть побои и издевательства! Не нужно ради меня сносить всё это! Убирайся! Слышишь?!

Эр Пан подбежал к мальчику, заслоняя его своим хвостом.

— Мы не будем тебя есть, честно! — мяукнул он рыбе. — Поговори с ним по-человечески, зачем же камнями...

Сяо Цзи не слушала.

Она посмотрела на застывшего мальчика и бессильно опустилась на землю.

— Ну почему мне попался такой дурак... — прошептала она.

В следующий миг она скользнула в поток, обратившись серебристым карасем, и мгновенно исчезла в глубине.

Сань Ва растерянно моргнул:

— Ой... и всё?

Мальчик остался стоять на берегу.

Сверток с едой, испачканный кровью и грязью, откатился в сторону.

Солнце отражалось в его глазах, но в них плескалась лишь холодная, как талая вода, пустота.

<http://bllate.org/book/17549/1714138>